

Священномученик Патриарх Гермоген

Болит моя душа, болезнует сердце,
и все внутренности мои терзаются...
Я плачу и с рыданием вопию: помилуйте,
братие и чада, помилуйте свои души...
Посмотрите, как Отечество наше
расхищается и разоряется чужими!

Из Послания патриарха Гермогена

Среди святых защитников нашего Отечества священномученик патриарх Гермоген стоит в одном ряду с благоверным князем Александром Невским и преподобным Сергием Радонежским. Князь, игумен, патриарх... Сколь разнятся земные роли этих реально живших людей, столь сближаются их духовные подвиги, охранившие святую Русь на ее опасных исторических изломах! Так издали свет трех свечей в одном светильнике сливается в один мощный огонь.

История и агиография порой сильно расходятся в трактовке поступков этих людей. Но можно смело

утверждать: только духовным взглядом разглядишь их глубинное значение для потомков. Его можно понять лишь через призму православного патриотизма. Именно он двигал ими в принятии решений, повлиявших на судьбы нашей Родины — не просто любимой земной страны, но хранительницы истинной веры, последнего земного удела Спасителя.

Уже во времена государя Алексея Михайловича Романова летописец писал о патриархе Гермогене: «Один среди врагов неистовых и гнусных изменников, великий святитель Божий в темной келье сиял добродетелью, как лучезарное светило Отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в народе жизнь и ревность к великому делу». Современники же называли его «адамантом веры».

Главный подвиг своей жизни — твердое противостояние воцарению над Россией инославного государя, вдохновенную проповедь освобождения страны от иноземных захватчиков — патриарх Гермоген совершил уже в глубокой старости. Свои слова он за свидетельствовал мученической смертью. Но перед этим была долгая и славная жизнь, которая сама по себе осталась бы в истории нашей Церкви и страны. Напомним вкратце ее вехи.

Пастырь Казанский

Родился Ермолай (таково было мирское имя святителя) около 1530 года в семье донских казаков. По другим сведениям, родственниками Ермолая были князья Голицыны или Шуйские. Некоторые историки возводили его род к низам дворянства или городскому духовенству.

Юношество и зрелые годы святого проходили на фоне могучих исторических сдвигов: царствование Ивана IV, опричнина, покорение Астрахани и Казани, Ливонская война, воцарение Бориса Годунова и кровавая трагедия в Угличе...

В какой-то степени Ермолаю было проще — далеко от столичных хитросплетений: он работал тогда Господу на самом восточном рубеже Московского царства. Еще подростком он ушел в Казань и поступил в Спасо-Преображенский монастырь, где святитель Варсонофий обучил и укрепил его в вере. Служение будущего патриарха началось там же, в Казани, — приходским священником при гостинодворской церкви святителя Николая. По отзывам современников, священник Ермолай уже тогда был «муж зело премудростью украшенный, в книжном учении изящный и в чистоте жития известный».

Доподлинно известно, что после чуда 8 июля 1579 года с явлением Казанской иконы Божией Матери Бог судил именно ему первому «взять от земли» святой образ, показать его собравшимся горожанам и потом торжественно, с крестным ходом, перенести в ближайший Никольский храм.

Позже, уже став митрополитом, Гермоген составит службу Царице Небесной «в честь иконы Ее Казанской». Его вдохновенный тропарь празднику «Заступнице Усердная» мы поем в храмах до сих пор. Его перу приписывают также «Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери и совершившихся от нее чудесных исцелениях», отправленное духовенством Ивану Грозному. Все эти чудеса святитель видел своими глазами и осязал своими руками.

Предполагают, что в 1587 году, после смерти супруги, имени которой история не сохранила, батюшка Ермолай приехал в Москву, где в Чудовом монастыре принял постриг под созвучным именем Гермогена (Ермогена).

Его последующее церковное возвышение поражает стремительностью. За два года из простого монаха Гермоген возводится в сан архиепископа, причем кафедра его тут же становится митрополией, а он сам, соответственно, митрополитом Казанским и Астраханским.

Став пастырем обширной паствы, немалую часть которой составляли новообращенные из местных народов, окруженные мусульманским и языческим большинством, святитель Гермоген сделал все, чтобы обращение не было формальным и Православие укрепилось в этом крае.

Святитель Гермоген стал инициатором восстановления древней церковной службы апостолу Андрею Первозванному на основе полного перевода ее с греческого на церковнославянский язык. Он создал современную редакцию «Повести о Петре и Февронии, Муромских чудотворцах».

Уже будучи патриархом, в самый разгар смуты, охватившей страну, Гермоген методично продолжает исправление церковно-богослужебных книг, начатое еще преподобным Максимом Греком. Первосвятитель лично «свидетельствует» новый печатный перевод Евангелия, сборник Четьих-Миней. Под наблюдением патриарха в Москве, захваченной поляками, делаются новые станки для печатания богослужебных книг,

строится новое здание типографии взамен старого, погибшего в пожаре 1611 года.

Его просветительское наследие велико и разнообразно. И все-таки не эти высокие труды сделали имя патриарха Гермогена духовным знаменем в роковой для России час.

Витки Смуты

Историки до сих пор спорят об истоках великой русской Смуты начала XVII века. Среди ее глубинных причин одни называют создание Иваном Грозным опричной «антисистемы» внутри государства, другие говорят об истощении царства войнами с Литвой и о двух страшных засухах при Борисе Годунове. Третьи указывают на главную причину — умаление нравственных ориентиров и национального единства, вызванное недостойным поведением тогдашней государственной элиты.

Событийный концентрат Смуты, казалось, выплеснулся прямо из потустороннего мира. Тень зарезанного в Угличе и канонизированного позже царевича Дмитрия, воплотившись в двух крупных и десятке мелких самозванцев, в течение восьми лет собирала под свои знамена толпы обманутых, вперемишку с шайками своих и зарубежных авантюристов, чтобы, терзая страну, довести ее почти до гибели.

Погибель заключалась не только в крайнем разорении, людском опустошении, иностранном вмешательстве. Она была в страшном разложении моральных скреп, образующих тело и душу государства.

Современникам патриарха Гермогена было от чего, выражаясь современным языком, «съехать с катушек». Сегодня «царевичу Димитрию» целуют крест как помазаннику Божию, а завтра называют «вором и собакой». Бывшая царица, инокиня Марфа то признает чудесно воскресшего сына, то всенародно кается в этом признании. Четыре царя сменяются на троне за один год, из них двое убиты; города сами решают, кого им признавать за правителей, в московском же Кремле служат католические мессы... Каннибализм, злодейство, разграбление храмов, массовое предательство и вероотступничество... Сами поляки порой удивлялись зверствам «православных» казаков в захваченных русских селах и городах.

Не станем пересказывать известные исторические события, напомним лишь те «контрапунктные» узлы, в которых на всю страну прозвучал голос святителя Гермогена. Его голоса не было слышно, когда первый Лжедмитрий со своей польской свитой победным маршем прошествовал к столице и воссел на троне московских царей. Скорее всего, подобно большинству русских людей, митрополит Гермоген верил вначале, что человек, пришедший из Польши, на самом деле сын Ивана Грозного.

Но когда псевдо-Дмитрий собрался сделать русской царицей католичку Марину Мнишек, святитель Гермоген не смог смолчать. А еще самозванец решил «облагодетельствовать» видного митрополита, назначив его на крупную государственную должность в Боярскую Думу, нареченную на польский манер «сена-

том». Можно только догадываться, сколь велико было раздражение Лжедмитрия, когда вместо благодарности строптивый Казанский митрополит на пару с епископом Коломенским Иосифом осмелился письменно настаивать на обязательном крещении будущей русской царицы в Православие.

Обозленный царь приказал лишить Гермогена сана и отправить в заточение в Казань. Приказ исполнить не успели: через день Лжедмитрий был свергнут заговорщиками во главе с князем Василием Шуйским и убит. Вскоре боярские соратники на Лобном месте «выкликнули» Шуйского царем.

Голос патриарха

Василий Шуйский долго колебался в выборе нового патриарха. Прямой и даже крутой нрав Гермогена в вопросах веры был известен ему. Но понимал он и другое: шаткой власти «боярского царя» нужна была мощная легитимная подпора в лице принципиального и популярного в народе князя Церкви.

3 июля 1606 года в Москве Собором русских иерархов святитель Гермоген был поставлен Патриархом Московским и всея России. И вскоре вразумляющий, обличающий голос патриарха вновь услышала вся страна.

Еще перед появлением на исторической сцене Лжедмитрия II — темного персонажа неизвестной национальности (после его убийства в его багаже обнаружили Талмуд), под его именем полыхнуло «крестьянское восстание» Ивана Болотникова. «Побивайте бояр, отнимайте их достояние, убивайте богатых, делите их

имение...» — призвали «облыжные грамоты» болотниковского «войска». Подрывное воздействие этих призывов на умы современников вполне можно сравнить со знаменитым бухаринским «грабь награбленное».

Однако идеологом и руководителем новой волны смуты был вовсе не солдат Болотников, а любимец первого самозванца князь Григорий Шаховской — путивльский воевода, похитивший государственную печать и сфабриковавший с ее помощью «царские грамоты» о «чудесном спасении царя Димитрия от рук Шуйского».

Патриарх Гермоген горячо принялся противодействовать этой «информационной войне» против законной власти. Сначала для увещевания смутьянов он отправил к ним Крутицкого митрополита Пафнутия. Следующим «контрударом» стала рассылка по всей России грамот, в которых твердо говорилось о действительной «погибели вора и еретика Лжедимитрия», о перенесении в Москву и явлении святых мощей истинного царевича Димитрия. Увидев, что и этого недостаточно, Гермоген предал анафеме Болотникова и других зачинщиков новой смуты. Меры возымели свое действие, и бунт начал было стихать. Но вскоре объявился новый «царь Димитрий», и все началось сначала.

Переодетые иезуиты с латинским «крыжем» за пазухой шли окатоличивать Русь, казацкая вольница — грабить недограбленное. Кроме совсем уж темных людей, уже мало кто верил, что новый самозванец — царь Димитрий. Бояре и другие именитые люди присоединялись к нему из злой зависти к «высочке»

Шуйскому, из низкой корысти, просто из страха перед растущей силой. Толпы же простых крестьян и горожан валили к новому «Димитрию» от отчаянья, голода, из ненависти к боярской власти вообще.

А из Польши тем временем прибыли отряды гетмана Жолкевского, одержавшие новые победы над московским войском. Менее чем за год Лжедмитрию II покорилась почти вся Южная и Средняя Россия. Со своими русско-польско-казацкими вооруженными отрядами он встал в подмосковном Тушине, создав там на несколько лет как бы альтернативную столицу страны. И в Тушино из Москвы стали перебегать и целовать ему крест поодиночке и группами «малые и большие людишки». Некоторые с утра получали у «тушинского вора» жалованье, а к вечеру бежали обратно к Шуйскому — каяться. И там еще получали. Увы, в таком цинизме отметились тогда многие древние боярские роды.

Неимоверно тяжело приходилось в этом смраде первосвятителю русскому. Тяжесть усугублялась повсеместной нелюбовью к царю Василию, с которым у самого патриарха были весьма непростые отношения.

Жадный, малодушный, ограниченный, Шуйский был метко прозван в народе «Шубником». Легитимность его воцарения все время оставалась под вопросом: «избран» кучкой заговорщиков-бояр, венчался на царство без патриарха...

Однако все несчастное время правления Василия Шуйского святитель Гермоген горячо ратовал и убеждал соотечественников быть верным этому царю.

Почему? Для православного историка здесь нет загадки. Плохой или хороший, царь Василий был православным и не был самозванцем. При этом плохо или хорошо, но он противостоял второму самозванцу и шедшим с ним разбойникам, шляхтичам, агентам папства.

После внезапной смерти молодого талантливого воеводы Скопина-Шуйского по Москве разнеслись слухи о его отравлении родственниками царя Василия. И народная нелюбовь к московскому царю переросла в ненависть.

Один раз патриарха буквально силком выволокли на Лобное место. Зачинщики выкрикивали справедливые, а еще больше облыжные обвинения против Шуйского, требуя от патриарха одобрения их бунта. Распалая толпу на вседозволенность, пожилого первосвященника кое-кто стал уже легонько заушать. Тогда патриарх смело возвысил голос в защиту законного царя, обличив подстрекателей в пособничестве тушинскому вору. «А то, что кровь льется и земля не умиряется, так то — волею Божиею, а не царским хотением», — сказал первосвященник в завершение и побрел сквозь притихшую толпу в свои покои.

В следующий раз бунтовщиков было больше, и верховодили ими уже бояре. Василия Шуйского лишили престола и насильно постригли в монахи. Двое бояр держали бледного царя Василия за руки, а третий, князь Василий Тюфякин, произносил вместо него обеты. Насильно удерживаемый при этом кощунстве Гермоген плакал, не переставая называть Шуйского царем, а монахом считая отныне князя Тюфякина.

«Среди врагов неистовых и гнусных изменников»

Поразительно ярко высвечивается правда святителя Гермогена на фоне нравственного падения значительной части светской, да и церковной элит. На кого было еще смотреть, к кому прислушиваться тем русским людям, кто не желал впадать в окружающий «беспредел», кто ревновал о Руси православной?

А ведь иные бояре и дворяне, пообщавшись с поляками во время первого самозванца, от дедовских обычаев уже и нос воротили, откровенно желали ополчиться во всем. Даже папская ересь их уже не страшила...

Так же, как и «семибоярщина», вершившая власть над страной после свержения Василия Шуйского. Именно ее верховоды во главе с князем Мстиславским решили призвать в столицу «ограниченный контингент международных сил». А проще говоря, открыли ворота города польским отрядам гетмана Жолкевского, предварявшим воцарение в Кремле королевича Владислава или его отца короля Сигизмунда. Перед этим пришли к патриарху просить благословения. «Да не бывать тому!» — отвечивал им Гермоген. А они ему: «Дело твое, Святейший, смотреть за церковными делами, а в мирские не следует тебе вмешиваться. Исстари так ведется, что не попы управляют государством». И надменные иноверцы въехали в Москву как хозяева.

С этой поры патриарха стали все больше и больше стеснять. Но в это же время все громче по стране раз-

носились воспламеняющее пастырское слово. Кроме изменников, в Кремле были и тайные патриоты, помогавшие выносить патриаршие послания на волю, рассылать их по городам и весям.

Он умолял бояр выбрать нового царя из древнего русского рода, указывая, в частности, на Романовых. Увидев же, что они настаивают на призвании королеви́ча Владислава, скрепив сердце, согласился. Но выставил два жестких условия: «Если король даст сына своего на Московское государство и Владислав крестится в православную веру и всех польских людей выведет вон из Москвы, то я к такому письму руку свою приложу и прочим властям повелю то же сделать. Если же вы меня не слушаете, то я возложу на вас клятву и прокляну всех, кто пристанет к вашему совету».

Вскоре стало ясно, что Сигизмунд и не думает выполнять эти условия. «Польская боярская партия» теперь потребовала от патриарха благословения на подчинение королю-католику без всяких условий. В ответ на твердый отказ один из них, Михаил Салтыков, выхватил нож и замахнулся им на Гермогена. Патриарх осенил его крестом и спокойно ответил: «Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою Креста Христова против твоего дерзновения. Будь же ты проклят от нашего смирения в этом веке и в будущем!»

Зашатался боярин Салтыков, упал в ноги святителю прощения просить. Простил его Гермоген — но только за этот поступок. А на своем твердо остался стоять.

Так же твердо стоял он, благословляя горожан Смоленска не открывать ворота войскам Сигизмунда. Столь же непреклонно отверг он сперва вкрадчивые, а потом гневные требования хозяев Кремля остановить первое народное ополчение, во главе которого встал патриот Прокопий Ляпунов. Тогда-то и заключили патриарха Гермогена окончательно в келье Чудова монастыря, где много лет назад принял он святую схиму.

Опрометчиво согласившийся на помощь разбойного казацкого атамана Заруцкого, честный Прокопий был оболган и пал под казацкими саблями у стен осажденной Москвы. Ополчение рассыпалось. Оставшиеся без домов и надежд москвичи бежали вон из города, а поляки со своими присными праздновали победу.

Казалось, что теперь-то православному царству Московскому точно пришел конец. Что оставалось патриарху? Молиться, готовиться к смерти? Или более того — смиренно принять все случившееся как окончательный Божий приговор русской земле? Плетью обуха не перешибешь...

Однако вместо этого Гермоген пишет все новые грамоты, обращенные к русским людям всех сословий. В них он разрешает народ от присяги Владиславу, призывает вооружаться и идти новым ополчением на Москву.

К патриарху перестали допускать посетителей, лишили его бумаги и пера. Последнее из своих воззваний святитель сумел наскоро составить и передать в Нижний Новгород 5 августа 1611 года с помощью

иноземца(!) — свияженина Родиона Мосеева, тайно пробравшегося для этого в Кремль.

Гермогеновы грамоты совершили чудо, воспламенив сердце нижегородского городского старосты Козьмы Захарьевича Минина, по прозвищу Сухорукый. «Заложим дома, жен и детей своих ради спасения Отечества» — таков был знаменитый мининский отклик на «глас вопиющего» кремлевского узника. К делу подключился князь Дмитрий Пожарский, поскакали от города к городу переговорщики и — вновь вырос страшный для захватчиков и предателей исполн народной войны, благословленной первоиерархом церковным. Последний акт этой драмы, закончившейся физической смертью и великой духовной победой ее героя, начался с диалога.

К патриарху в заточение вошел гетман Гонсевский с другими поляками:

— Ты — первый зачинщик измены и всего возмущения. По твоему письму ратные люди идут к Москве!.. Отпиши им теперь, чтобы они отошли, а то мы велим уморить тебя злою смертью.

— Что вы мне угрожаете? Единого Бога я боюсь. Вы мне обещаете злою смерть, а я надеюсь получить чрез нее венец. Уйдите вы все, польские люди, из Московского государства, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь — мое благословение: всем стоять и помереть за православную веру!

После девяти с лишним месяцев голода святитель Гермоген умер как мученик 17 февраля 1612 года. Через месяц Москва была окружена кольцом народного

ополчения под предводительством Минина и Пожарского. А еще через несколько месяцев — 23 октября — поляки, вконец оголодавшие, потерявшие человеческий облик, с позором выходили из оскверненного ими Кремля.

Верующими русскими людьми был сформулирован исторический урок тех событий: никакие «разумные» политические расчеты, никакая материальная мощь не спасет Россию от врагов, коль скоро она отвернется от своей главной роли — последней хранительницы православной веры в этом мире.

Увы, как показала дальнейшая история нашей страны, урок был плохо нами усвоен.

